

М а р и я А Р Т Е М Ь Е В А

Темная сторона ПЕТЕРБУРГА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А86

Артемьева, Мария Геннадьевна.

А86 Темная сторона Петербурга / Мария Артемьева. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (МУСТ. Черная книга 18+).

ISBN 978-5-699-96802-2

Хоррор-путеводитель по самым мрачным, зловещим и мистическим местам Северной столицы России. История этих мест словно покрыта мхом, паутиной и толстым слоем пыли, скрывая жуткие мифы города на Неве. И там, под слоем тлена, угадываются тени призраков Финляндского вокзала; в сырых подземельях бродит Белый диггер и светятся в темноте глаза людоедов; там, в холодных водах, Болотная баба душил княжну Тараканову; там пылает факел Черного монаха, поджигающего холерную лечебницу вместе с людьми... Возьмите эту книгу с собой, отправляясь в Петербург, и вы сможете познать его самую Темную Сторону.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96802-2

© Артемьева М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЗЕМНОЙ ВОЛХВ И ПРОРОЧЕСТВО О НЕБЕСНОМ ГРАДЕ

Место не установлено

Никуда б я не поехала, конечно, если б знала заранее, что ждет впереди. Но я не знала.

Да и никто из нас не знал. И даже представить мы тогда не могли, что такое возможно.

* * *

Дорога тонкой ниткой вьется по крутым холмам. Наш грузовичок то ныряет с горки вниз, так что слышно, как в кузове с уханьем подскакивают ребята, придерживая рюкзаки, то с натугой карабкается вверх, и тогда с вершины холма открывается все та же нескончаемая картина: море хвои вокруг и серая стежка дороги, волнистым швом проходящая сквозь пухлое одеяло зелени.

Август 1957 года. Ленинградский университет организовал этнографическую экспедицию к притокам реки Вуоксы.

Мы едем, и с обеих сторон дорогу обступают лес — хвойный, густой, буреломистый.

Корабельные высокие сосны и ели сплошь в белых бородах лишайника. То и дело попадают гигантские валуны, заставляющие вспо-

минать о богатырском перепутье. («Налево пойдешь — коня потеряешь, направо — жизни лишишься».) В рыжих хвойных подушках прячутся черные скальные останки, подобно гробам, поросшие мхом. Шишки, валежник, павшие древесные великаны с ободранной корой загромождают подлесок. Кое-где на фоне черных болотистых луж переломанные березы белеют телом, словно нагие женщины.

Этот лес вызывает во мне дрожь: мысли о кромешной тьме, о чудищах. «И завела злая мачеха детей в глухую чашу...» Кстати сказать, место, куда мы направляемся, так и называется — Корба. То есть на местном диалекте — «чащоба, труднопроходимый лес». Гравий, вылетевший из-под колеса, шелкнул по днищу кузова. Я вздрогнула. Зачем мы едем в эту глухомань, в эту неведомую нам Корбу?..

В нашей группе двое парней с геологического факультета, две девушки-географички, я и Лева — с филологического. И еще кое-кто.

В местном райкоме комсомола наш аспирант и руководитель группы Лева Кондратьев сказал принимавшей нас инструкторше: «Интересуют малые финно-угорские народности: вепсы, карелы, ижоры, саамы... Обычай, сказки, поговорки. Ну, в общем, вы понимаете. Подскажите, где у вас тут самые старые старики живут?» Инструкторша райкома в изумлении пожала плечами. Потом куда-то позвонила.

Так в нашей группе появился Федор, по-здешнему — Федка, Антипов. Он из местных, уроженец деревни Корба. Второй год учится в техникуме в Петрозаводске и вот как раз собрался навестить родных.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Федка стал нашим проводником. Он высокий, красивый и всем ладный парень. Особенно хороши глаза. Необычные — зеленовато-коричневые, цвета болотной воды, но при этом — прозрачные, как бутылочное стекло.

— Не бойтесь, городские? — первым делом спросил нас Федка, разглядывая девушек своими чудными, завораживающими глазами.

— Чего бояться? — задиристо отозвалась Танька и фыркнула.

— В наших деревнях самые сильные колдуны живут. Даже немцы, говорят, боялись к нам сунуться.

— Ну так то ж враги! А мы что? Мы свои, — сказал Игорь.

— Тоже верно, — признал Федка, усмехаясь и почесывая затылок.

Все засмеялись.

Мир казался нам тогда простым и ясным, как черно-белые картинки в учебниках: вот свой, вот чужой, это хорошее, а то плохое, — о чем и задумываться-то?!

* * *

— А вот отгадай, что это: родился — вился, жил — мучился, пал — убился; нет ему ни отпевания, ни погребения. А?

Мы переглядываемся, молчим. В избе сгущаются сумерки, хотя на дворе еще светло. Федка вспыхивает от гордости: наконец-то студентов в лужу посадил. Белобрысая челка, взмокшая от жары, налезает ему на глаза.

Лева Кондратьев спохватывается:

— А нет, вспомнил! Это про горшок загадка. Горшок глиняный разбился...

Федка шумно вздыхает.

— Ну, ладно, и эту отгадали. А вот ишшо. Дом шумит, хозяева молчат. Пришли люди, хозяев забрали...

Ольга деловито уточняет:

— Дом в окошки ушел? Кажется, знаю...

Ольгу бесцеремонно прерывают. Мы и не заметили, как вошла хозяйка избы, бабка Устья. Раздался скрипучий голос из темноты:

— Расходитесь. Свечеряло ужо.

И землистое старушечье лицо в обрамлении белого платка показалось из-за печи.

— А вот это знаете: мать толста, дочь красна, сынок в трубу ушел? — не унимается Федка. Но бабка сердито окликает:

— Кому сказала? Хёмар. Ну?!

Мы все побаиваемся бабки, даже Федка, которому Устья приходится какой-то родственницей. Нехотя принялись собираться. Спальные места давно распределены: девочки спят в избе, парни — в сарае, на сене. Выходим проводить ребят. Лева сразу закурил, отойдя к калитке. А я спрашиваю Федку:

— Что такое «хёмар»? И почему вечером загадки нельзя?

Удивительные зеленые глаза с веселым недоумением смотрят на меня. Федка мнетя, пожимает плечами.

— Хёмар — значит сумерки.

— Хмарь, то есть? — вмешивается Лева.

Федя кивает. И, глядя куда-то в сторону, тихо добавляет:

— Старики говорят: загадку отгадать — все равно что ключ к замку подобрать. Отгадаешь, а нечистая ночью дом отомкнет.

— Нечистая?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

— Ну, черт, по-вашему. Или лешак.

Где-то близко хрустнула ветка. Я от неожиданности пугаюсь и оглядываюсь. Лес с деревней совсем рядом. Все время кажется, что в тени между елями кто-то ворочается.

Может, в городе про лешаков и смешно услышать, но здесь — нет. Никто даже не улыбнулся. В наступившей тишине звенят комары. Свежо, зябко. В душную избу возвращаться неохота, но и снаружи оставаться страшновато.

— Я про это слышал, — почему-то шепотом говорит Лева. — Вечером можно только сказки. Сказочное слово — оберег для дома.

— Вот завтра вам будут сказки. Устья Филиску приведет — она у нас тьму их знает.

Федка улыбается. Улыбка у него хорошая — открытая, ясная. Только редко он улыбается. Впрочем, как и все тут.

* * *

Деревня, и без того некрупная, с войной потеряла больше половины жителей. Дворов девять жилых, остальное — заброшенные дома. Детей всего трое, да и те — бледные, хиленькие, словно поганки на болоте. Мальчик и две девочки. Тихие такие.

Здесь вообще все негромкие.

Когда мы приехали сюда на грузовике — вся деревня вышла глядеть. Люди встречали нас, стоя у оград своих домов темными призраками.

В торжественной тишине под настороженными взглядами идти нам было неуютно. На неширокой и недлинной улочке даже собаки молчали. Куры и утки тихо шарахались из-под ног.

— Здорóво, земляки! — приветствовал односельчан Федор, взмахивая рукой.

Ему кивали, но без особой сердечности, как мне показалось. Никто из мужиков не подошел, чтобы пожать Федору руку. Бабы, прикрывая платочками лица, отворачивались.

— Что-то они тебе не шибко рады, а, Федор? — заметил Дима.

— А у нас, Митрий, народ без дела никому не радуется, — с досадой ответил наш проводник.

Я подумала тогда — неловко человеку, что посторонние заметили эту странную угрюмость его родной деревни.

— А вон, смотри-ка! Я вижу — вон там тебе очень даже рады, — ободрил Федора Лева Кондратьев.

Мы взглянули: на другом конце улицы, на самом отшибе, стоял старый покосившийся дом. Покрытый дранкой, он был того серебряного цвета, какой приобретают некрашенные избы, за многие годы вымоченные дождями, умытые снегами и обветренные пургами. Время накладывает этот благородный отпечаток на дерево, как патину на бронзу.

По всему было видно, что этот дом — в деревне самый древний. На кривом крылечке, держась за ручку разохшейся двери, стоял на трясущихся ногах горбатый старик и манил нас к себе рукой.

— Это ведь он нас зовет? — спросила, прищуриваясь, Ольга.

Федор замер, глядя на древний домишко и старика. Лицо у него вытянулось, напряглось.

— Ребятки! Феденька! Чего встал? Веди гостей ко мне. Изба большая, места всем хватит.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Бойкая невысокая старушка откуда ни возьмись появилась на пути, будто из-под земли выскочила. Глазки черные, блестящие, как у мышки, но остренькие, цепкие: всех нас одним взглядом окинула, обрисовала — и словно на иглу нанизала.

Это и была бабка Устья, Устинья. А ее сестрица Филиска — самая старая в деревне жительница. Так нам Устья сказала.

— А сколько вашей сестре лет? — поинтересовались мы.

— Да кроме Матти, никто уж не вспомнит, — подала голос какая-то из баб, глядевших на нас из-за забора. Старуха Устинья строго зыркнула на выскочку.

— Кто такой Матти? — спросила я. Никто не ответил.

— За мной идите, — приказала бабка Устья. — И ты тоже! — велела она Федке. Похоже, никто в Корбе не смел ослушаться эту старуху командиршу.

Мы, разумеется, тоже.

* * *

Страх, который вызвал во мне вид здешнего леса, избыток дорожных впечатлений или просто духота в избе, где мы устроились на ночлег, — не знаю, что именно стало причиной, но крепко заснуть не удалось.

Далеко за полночь я проснулась от какого-то шороха или скрипа.

Открыла глаза, но темнота в избе стояла такая, про какую говорят — хоть глаз выколи. Не имея возможности видеть, я острее обычного воспринимала звуки, и это было непри-

ятно. Я пыталась слушать размеренное дыхание спящей под боком Ольги и тихое сопение Тани на соседней лавке, но в уши лезли странные крики ночных птиц в лесу, потрескивание старого дерева на чердаке, шебуршание мышей в стенах.

И тут я отчетливо услышала чей-то сердитый голос:

— Не ходи к нему.

Кровь бросилась к моим щекам, сделалось невыносимо жарко. Что это? Кто это сказал?

Я откинула одеяло, потихоньку слезла с кровати, подошла к двери. В сенях кто-то был.

В приоткрытую щелочку я увидала, как за дверью шевельнулись две тени.

Я прислушалась. Сердитый голос бабки Устьи выговаривал кому-то:

— Ума у тебя нет, что ли?! Еще бы не страшно старику помирать! Да только ты меня не жалоби. За свои мерзости он расплачивается. Сколько лет ждали, что он нас от себя освободит, а тут ты... явился. На рожон лезешь?! Против общества...

Последнее прозвучало зловеще, как угроза. Но вдруг бабка взволновалась.

— А ну, стой-ка! Что это там? Мерещится мне... Ты, когда сюдашел, ничегоневидал? Заколдцем? Последнее время у нас с водой плохо...

Ответа я не разобрала. Потом говорящие притихли. Я затаила дыхание. И снова раздался свистящий старушечий шепот:

— Ладно, иди спать. И смотри — молчок! За приезжими этими поглядывай. Девки бойкие, парни шустрые. Не ровен час...

Я удивилась — чего это старуха нас опасается, чем это мы ей не угодили? Но разговор

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

в сенях уже окончился. Собеседник старухи что-то буркнул и, потоптавшись, ушел.

Едва я успела лечь и укрыться одеялом, в сенях скрипнула дверь — вошла бабка Устья.

Приблизившись к кровати, где лежали мы с Ольгой, бабка постояла над нами, слушая дыхание спящих девочек.

Что-то тихо побормотала себе под нос — вроде бы молитву, не знаю — и ушла к себе на полати, за занавеску, спать.

Странная эта Устинья. Что за тайны могут быть у простой деревенской старушки?

Хотя, если честно, на простую старушку она нимало не походила. Скорее на ведьму или Бабу-ягу. От одного ее голоса у меня мурашки по спине бегали. Здорово она меня напугала.

Заснуть удалось только под утро.

* * *

— Ну, так что вы хотите узнать, ребятки? — сощурившись, спросила нас вечером бабка Филиска.

Весь долгий северный день мы развлекались, как могли, стараясь совмещать приятное с полезным. Осматривали деревню, ходили к колодцу-журавлю, помогли наносить воды для бани и домашних нужд нашей хозяйки бабки Устья; потом в бане парились с дороги и даже ныряли в ближайшее озерцо.

Называется оно Рыбозеро, но рыба тут совершенно ни при чем: «рыб» по-местному — «куропатка». Я заметила, что здесь вообще многое как-то сбивает с толку... Сказала об этом Диме и Леве, но они только хмыкнули.

Девочки купаться не решились, ждали мальчишек на берегу. Среди молодого ельничка комарье налетело жрать нас как оглашенное. Ребята нырнули в воду со скалы, и Лева сразу отказался от мысли поплавать: вода в хрустально-чистом озере, как в полынье зимой, — ледяная. В августе никто здесь не купается, хотя, вообще-то, еще тепло.

Федя показал нам ягодники — они совсем рядом с деревней, далеко ходить не надо. Пошли немного морошки и брусники. Все ягоды, кроме морошки, местные называют одним словом — «бол», а может, я что-то не так поняла, не знаю.

Возвращаясь деревенской улицей к дому Устья, смотрела на лица местных. Эти люди избегали открыто глядеть на нас, но исподтишка наблюдали за чужаками с какой-то тревогой.

И только один нам явно радовался — дашенный дед, обитатель древней развалюхи.

Он снова торчал на своем крыльце, придерживаясь за ручку двери, как будто и не уходил никуда, врос ногами в землю.

На вид дряхлый и слабый, странно, что он все время один — такой старый человек, несомненно, нуждается в уходе.

Мне почудилось, местные его побаиваются. Но чем он, больной и немощный, мог напугать их?

Его присутствие давит на людей. В особенности — на Федора. Проводник наш просто сам не свой делается, когда видит старика. Вот только что улыбался, рассказывая про здешнюю охоту, а увидел горбатого деда — и заледенел весь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Дед уставился на нас. Водянистые глаза его уперлись в меня. Он поднял правую руку и поманил:

— Эй! Девочка. Подойди, не бойся...

Что-то прошелестело надо мной, изнутри словно черной водой Рыбозера захлестнуло, в ушах заколотилась кровь...

Опомнилась я, только когда услышала голос Федора:

— Дед, аста!

Кажется, я сделала несколько шагов в сторону дедовой избы. Старик открыл черный беззубый рот, ухмыльнулся.

— Нейчукэ! Нейчукэ...

Федор схватил меня за руку.

— Аста!

Сердито замахал на деда, дернул меня за руку, и мы ушли.

— Что случилось? Кто этот старик? Чего хотел? — Недоуменные вопросы посыпались на Федора, но он вместо ответа набросился на меня:

— Зачем ты пошла к нему?

Проводник наш был встревожен и раздосадован.

— Но он же меня звал, — растерялась я. — Старый человек. Может, помощь нужна?

Я ничего не понимала. Ольга с Татьяной и ребята вытаращились на меня как на ненормальную.

— С чего ты решила, что он тебя звал? — тихо спросила Ольга.

Я, в свою очередь, уставилась на ребят:

— А вы что, ничего не слышали?

Лева выпятил толстые карасьи губы и помотал головой: